

МОЙ БРАТ ЗИГМУНД ФРЕЙД

(1940)

Вечером 23 сентября 1939 года из новостного репортажа по радио в Нью-Йорке я узнала, что мой брат Зигмунд Фрейд скончался в Лондоне, в изгнании. На протяжении большей части своей долгой и активной жизни он никогда серьезно не болел, до тех пор, пока шестнадцать лет тому назад его не поразил недуг^[1], который в конце концов привел к его смерти.

Мои воспоминания о брате начинаются с 1864-го, когда он был восьмилетним мальчиком. Я была почти на три года младше него^[2], но моя мать рассказывала мне множество историй о его раннем детстве. Мы с Зиги родились во Фрайберге, в маленьком городке в Моравии, где наш отец владел текстильной фабрикой. Спустя много десятилетий правительство Чехословакии отметило место нашего рождения мемориальной доской^[3], которую, вероятно, убрали в марте 1939 года. Когда Зиги было три, семья переехала в Вену^[4], и мы поселились в просторной квартире на Глокенгассе.

Моя мать, естественно, возлагала большие надежды на своего первенца и хранила как сокровище случаи из его раннего детства, которые воплощали ее надежды. Например, она вспоминала, как четырехлетний Зигмунд, испачкав грязными руками стул, успокаивал ее: «Не волнуйся, мать. Когда я вырасту, я стану великим человеком и куплю тебе новый стул». Однажды в кондитерской абсолютно незнако-

мый мужчина взглянул на мальчика и воскликнул: «Вы — счастливая мать! Когда-нибудь об этом мальце заговорит весь мир». Тогда она никому не сказала об этом пророчестве, но в глубине души верила в него и в поздние годы, когда его значение сбылось, часто возвращалась к этой истории. Были и другие случаи и предчувствия. Возможно, вера моей матери в будущую судьбу Зигмунда сыграла определенную роль в направленности, которую получила вся его жизнь. Хотя я и Фрейд, но во мне недостаточно фрейдизма, чтобы детально проанализировать эту направленность.

Поначалу, когда мы переехали на Глокенгассе, наше жилище казалось просторным, но по мере того как прибывали все новые и новые дети, оно стало слишком тесным, и мы снова переехали. Когда мои родители поженились^[5], отцу было тридцать шесть, вдвое больше, чем матери. После четырнадцати лет брака у них было семь детей: двое сыновей и пять дочерей^[6]. От предыдущего брака у отца было двое сыновей^[7], но к тому времени, как во второй семье родились мы, эти мальчики уже выросли и жили в Манчестере, в Англии, где у отца были деловые интересы.

Не важно, насколько многолюдным было наше жилище, у Зигмунда всегда была отдельная комната. Там была гостиная, столовая, три спальни, которые занимали остальные из нас, и так называемый кабинет, отдельная комната, отделенная от остальной квартиры. Кабинет этот, длинный и узкий, с окном, выходящим на улицу, выделили Зигмунду. Здесь он жил и работал, пока не стал интерном в Общей городской больнице^[8]. На протяжении всех лет его школьной и университетской жизни единственным, что менялось в этой комнате, было все возрастающее число набитых до отказа книжных полок вдобавок к письменному столу, кровати, стульям и стеллажу, которыми она была обставлена.

Обычно дети в старой Австрии до поступления в старшую школу в течение четырех лет, начиная с шестилетнего возраста, посещали начальную или народную школу.

Но Зигмунд в такую школу никогда не ходил. Отец сам обучал его до тех пор, пока он не поступил в старшую школу, в которой он был первым в своем классе все восемь лет обучения. Уроки он делал в своем кабинете, отправляясь туда, один или с друзьями, сразу же после школьных занятий. В годы юности он не обедал с нами, а ел один в комнате, где постоянно корпел над книгами. Разумеется, друзьями его были товарищи не по играм, а по учебе. В те времена такой вещи, как «спорт», не существовало, ни в школе, ни вне школы. Однако Зигмунд горячо любил пешие прогулки и природу и частенько бродил с друзьями по лесам в окрестностях Вены, принося редкие образцы растений и цветов.

Домашние привыкли к тому, что Зиги постоянно выигрывает награды за превосходную школьную работу. Когда ему было одиннадцать, по завершении первого года в старшей школе ему подарили знаменитую «Историю жизни животных»^[9]. Я все еще помню, как Зигмунд скромно поклонился, когда директор вручил ему книгу. Вполне вероятно, что вручение этой книги сыграло свою роль в пробуждении его интереса к естественным наукам.

Наш отец был поистине либеральным человеком, настолько, что демократические идеи, впитанные его детьми, были крайне далеки от более традиционных взглядов наших родственников. Как следствие, мы мало с ними встречались. В тот период, примерно с середины прошлого века, отец в европейской семье был всемогущим, и все беспрекословно ему подчинялись. Однако в нашем случае преобладал гораздо более современный дух. Мой отец, самоучка, был действительно замечательным. Он частенько обсуждал с нами, детьми, особенно с Зигмундом, всевозможные вопросы и проблемы. Эти встречи мы называли «семейным советом». Когда родился младший брат, отец отвел Зигмунда в сторону, чтобы посоветоваться с ним по поводу того, какое имя дать мальчику. Помню, как Зигмунд воодушевленно выбрал Александра, основывая свой выбор на благородстве и доблести Александра в качестве полководца, и как он